

О датировке большой государственной печати Ивана IV

В правление Ивана IV существовало несколько вариантов государственной печати¹, история возникновения которых не исследовалась. С точки зрения государственной символики, интерес представляет печать Ивана IV, на которой кроме обычных эмблем — двуглавого орла и всадника, пора-

Fig. 1

Рис. 1а. Печать Ивана IV Васильевича, 1577 г. (лицевая сторона)

Рис. 16. Печать Ивана IV Васильевича, 1577 г. (оборотная сторона)

жающего копьем дракона, имеется комплекс новых изображений². Немецкий ученый Г. Штёкль впервые попытался интерпретировать данную печать как памятник, отражающий концепцию государственной власти Ивана IV³. Он считает, что в плане выяснения взглядов Ивана IV на власть и государство печать не уступает по своему значению знаменитой полемической переписке царя с Курбским. Автор подверг анализу изобразительные компоненты печати. Методическая непоследовательность автора, которая, с одной стороны, привела к выводу о случайном характере отдельных элементов композиции, с другой — к определенной изолированности при рассмотрении сюжетки эмблем (несоотнесение их с титулом царя, с письменными свидетельствами и т. д.), делает, в частности, ма-

лоубедительной предлагаемую Штёклем датировку памятника. Определение же времени изготовления печати очень важно, ибо позволяет связать ее с конкретными историческими событиями, поставить вопрос о литературной основе сюжета композиции или обнаружить близкие по хронологии письменные свидетельства. На них можно опереться при расшифровке эмблем и объяснении иносказательного языка печати. Вопрос о датировке данного памятника приобретает, таким образом, первостепенное значение.

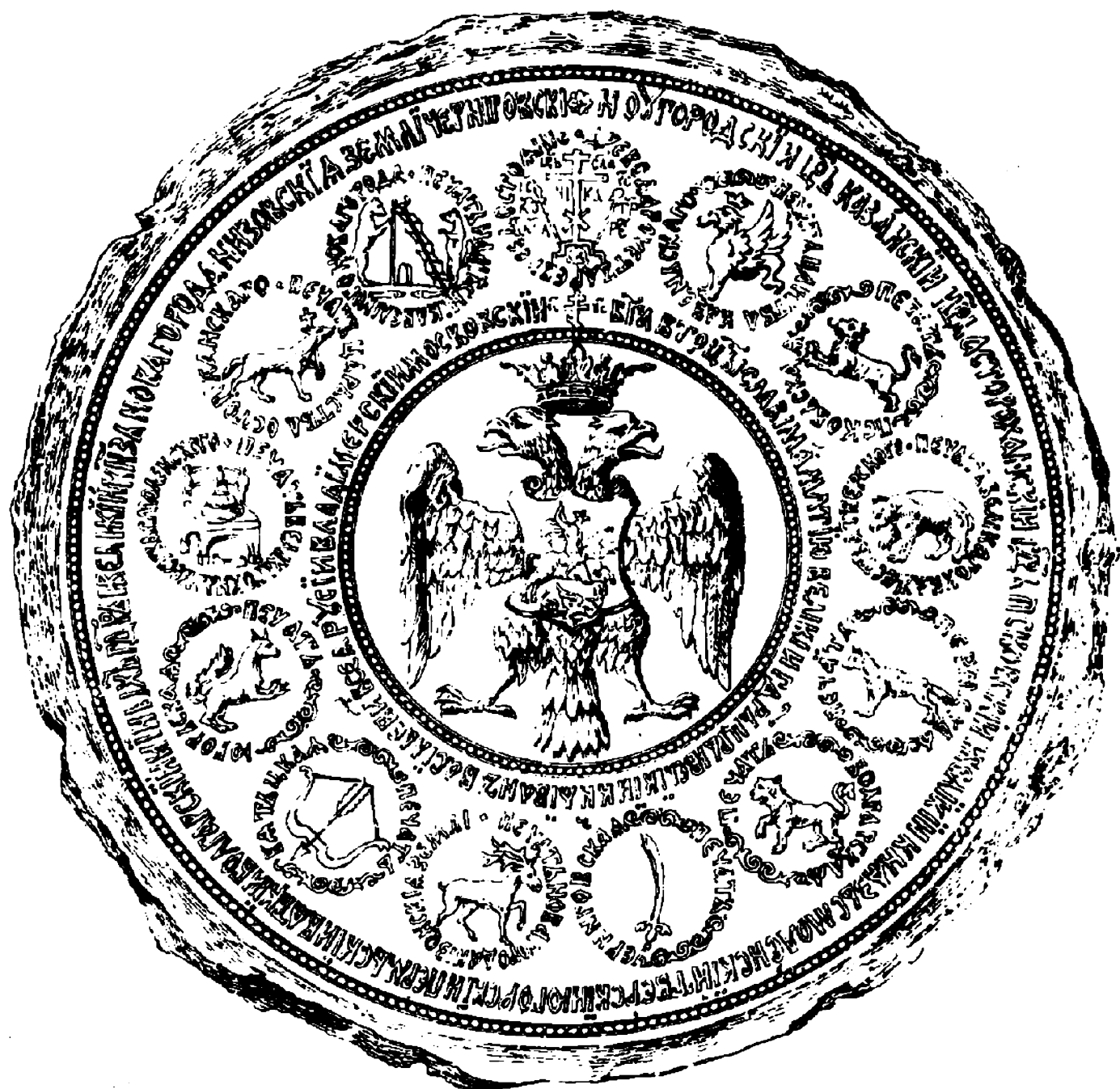
Согласно подписи под рисунком, изображающим лицевую и оборотную стороны печати, помещенным в издании «Снимки древних русских печатей...»⁴, она скрепляла русско-шведские трактаты 1583—1584 гг. Штёкль уточнил датировку документов. По сведениям из Стокгольмского архива, полученным им, печать была привешена:

1) к грамоте, подтверждающей полномочия русских послов (1583 г., май), которые должны были подписать перемирный договор 10 августа 1583 г. со Швецией;

2) к письму царя шведскому королю, также датируемому 1583 г.⁵

Однако Штёкль, подобно ряду исследователей⁶, отмечает, что печать могла появиться раньше этого времени. Действительно, аналогичные печати скрепляли два документа 1578 г. из Копенгагенского архива⁷. К договору от 28 августа 1578 г. Ивана IV и датского короля Фредерика II привешена большая красновосковая печать (11,2 см в диаметре), иконография которой идентична той, что привешена к документам, хранящимся в Стокгольме. К верительной грамоте русским послам, также датированной 28 августа 1578 г., приложена печать, оттиснутая штемпелем лицевой стороны большой печати⁸.

За отправной момент при датировании печати Штёкль принимает наличие среди 24 эмблем, окружающих центральную фигуру, полоцкой и соотносит этот факт с присоединением в 1563 г. Полоцка к Русскому государству⁹. Дополнительным аргументом служит форма креста, появление которой он связывает с деятельностью Макария (крест подобной формы имеется на печати юрьевского наместника 1564 г.). Штёкль предлагает датировать печать 1563—1564 гг. Им не учитывается сообщение официальной летописи о создании по приказанию царя комплекса печатей. Третьего февраля 1561 г. «учи-

Рис. 2а. Печать 1577 г. Профисовка (лицевая сторона)

нена» новая печать — «орел двоеглавной, а среди его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а среди его инрог», в августе 1564 г. царь «повелел зделати» печать для юрьевского наместника, «а на печати клейно: орел двоеглавный, а у орла у правые ноги герб печать маистра Ливоньского, а у левые ноги герб печать Юриевского бискупа». Первого сентября 1565 г. царь приказал сделать печать для новгородских наместников, «а на ней клейно: место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а з другую сторону рысь, а под местом рыба»¹⁰. Оговаривалось, что предпоследней печатью «грамоты перемирные с Свейским королем печатати и грамоты в ыные государства печатати», а последнею — «перемирные грамоты с Свейским королем... и грамоты посыльные печатати о пору-

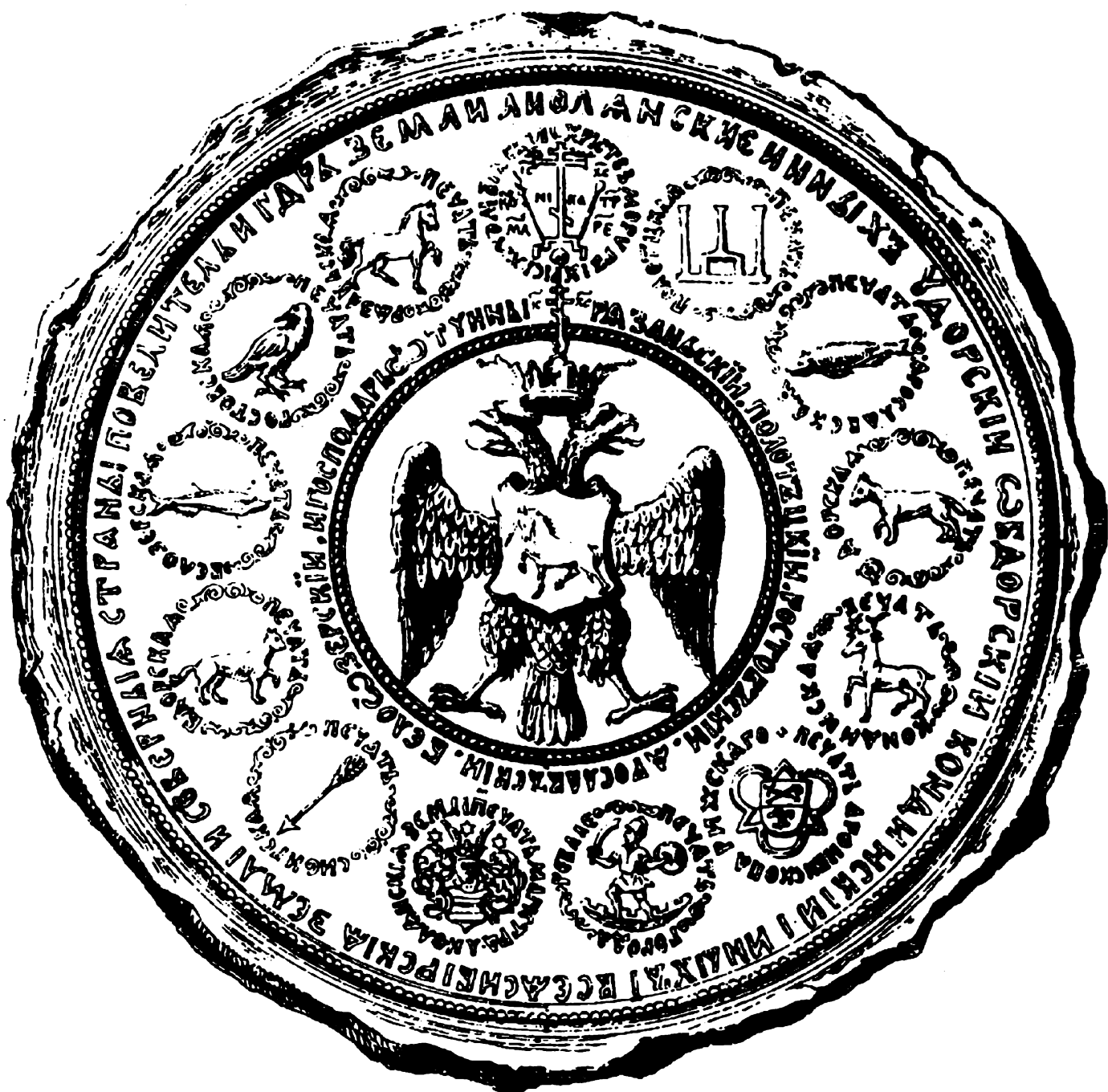

Рис. 26. То же. Прорисовка (оборотная сторона)

бежных и о всяких делах ко Свейскому королю». Первой из названных печатей скреплены многие документы международного характера¹¹. Учитывая личное участие Ивана IV во многих мероприятиях по оформлению истории его деяний и даже в выборе сюжетов изобразительного искусства¹², можно утверждать, что и в символике печатей нашли отражение образ мысли и воззрения самого царя.

Отсутствие в официальной летописи упоминания о факте создания более крупной (11,2 см в диаметре) и более сложной по композиции, чем все предыдущие, печати объясняется тем, что ее «учинили» после 1567 г., когда обрывается официальное летописание¹³. Появление композиции, использован-

ной в новгородском клейме большой государственной печати, в 1565 г. также может свидетельствовать в пользу изготовления последней не перед, а вслед за этой датой. Таким образом, хронологические рамки возникновения памятника ограничиваются 1567—1578 гг.

В это время существовали следующие эмблемы: двуглавый орел, всадник, поражающий копьем дракона, единорог, восьмиконечный крест¹⁴. Историки отмечают многовековое (ко времени Ивана IV) существование эмблем двуглавого орла и всадника, поражающего копьем дракона. Единорог в качестве государственной эмблемы известен уже при Иване III, но еще в XIV в. он был обычным сюжетом изобразительного искусства¹⁵. Двадцать четыре эмблемы, расположенные вокруг двуглавого орла, называют обычно гербами городов, хотя подписи свидетельствуют, что изображены печати, и не городов, а земель, областей, княжеств, царств.

Когда появились печати с подобными эмблемами? В отечественной литературе бытует мнение об их древности, особенно это подчеркивается в отношении Новгорода и Пскова. Н. Г. Порфиридов доказал, что эмблемы новгородской печати (точнее, «вечевая степень» с лежащим на ней жезлом — посохом) принадлежали не Новгороду периода независимости, а новгородским воеводам, назначаемым в Москве, конца XVI—XVII в. Это были «государевы» печати. Порфиридов пишет, что степень и жезл (посох) не являются узкоместными новгородскими и республиканскими эмблемами, а выступают как эмблемы власти вообще и в первую очередь служат символами княжеской и царской власти¹⁶. Появившись в 1565 г., эмблема оказалась позднее среди изображений большой государственной печати, а затем она могла продолжать существование в качестве изображения на печатях новгородских воевод. «Рано образовавшаяся», как утверждал А. Б. Лакиер, псковская печать с изображением «барса» и с надписью «Печать господарства Псковского» отнесена Н. П. Лихачевым к XVI в.¹⁷ Последний идентифицировал псковского «барса» с новгородским «лютым зверем», или, вернее, львом¹⁸.

Среди известных в XVI в. печатей фигурирует наряду с новгородской и псковской казанская. На печатях казанских воевод 1596, 1637 и 1693 гг. изображен дракон в короне¹⁹. По поводу этой печати Лакиер писал, что она была получена Казанью от русского правительства.

Можно думать, что истоки земельных эмблем (тех из них, которые впоследствии утвердились в подобном качестве) следует искать в художественных образах большой печати.

Что касается «печатей» западных областей, то именно они могут уточнить дату появления необычного сфрагистического памятника. Наличие «печати Полоцкой»²⁰ дает не только самую раннюю дату печати — 1563 г., но и самую позднюю — 1579 г. (год захвата Полоцка Стефаном Баторием). «Земли Лифляндские» представлены тремя «печатами». Штёкль привел факты несоответствия их изображений подлинным печатям²¹ и сделал вывод о случайном добавлении данных эмблем к «гербовому титулу».

Сочетание «неслучайных» (Полоцк) и «случайных» элементов в таком памятнике правового характера, каким является государственная печать, представляется сомнительным. Титулатура царя в грамотах, отправленных за рубеж, и в печатях, скреплявших международные договоры, обычно фиксирует его новые владения²². На предшествующей печати «Вифляндская земля» обозначалась иными эмблемами, однако последние соответствовали реальным печатям, по отношению к которым имеются все основания считать, что они в это время могли быть в руках русских²³. Но из-за отсутствия подлинных печатей за образец могли приниматься монетные изображения²⁴. Яркий пример — изображение шиллинга рижского архиепископства, использованное для эмблемы «печати арфиепископа рижского»²⁵. Однако не с монетным изображением²⁶, а с печатью города Вендена²⁷ знакомит эмблема, вокруг которой имеется надпись: «Печать города Ревале». Эту же эмблему сопровождает и иная надпись: «Печать города Кеси»²⁸ (Венден). Надпись соответствует эмблеме города, который был взят русскими в начале сентября 1577 г. и отбит у них польско-литовскими и шведскими отрядами 21 октября 1578 г. Третья эмблема идентична личной печати В. Фюрстенберга, попавшего в 1560 г. в русский плен и умершего там в 1567 г.²⁹

Итак, 1577 г. — наиболее вероятная дата создания большой государственной печати, в 1578 г. скрепившей договор с Данией³⁰.

Указанная датировка может объяснить и причину присутствия двух клейм, обозначающих Ригу и Ревель (или только Ригу на печати 1578 г.). В этот год Иван IV находился на вершине военной славы. Россия обладала после взятия Вендена

всей Ливонией, кроме Риги и Ревеля, и надежды на присоединение их к Русскому государству летом и осенью 1577 г. были реальными. В Европе распространились даже слухи о занятии Риги и Ревеля русскими войсками³¹. Чувство долгожданного успеха, вдохновившее царя на написание целого ряда победных посланий³², где он, в частности, акцентировал внимание на незаконности владения Швецией Ревелем³³ и исконности прав на всю Ливонию, а также Ригу³⁴, могло явиться побудительным мотивом для создания государственной печати, в эмблемах которой нашли отражение подлинные завоевания и оптимистические ожидания Ивана IV, казавшиеся на фоне замечательных военных побед также вполне реальными.

Обосновывая дату возникновения печати, нельзя забывать, что она скрепляла и русско-шведские документы, относившиеся к периоду утраты завоеваний Ивана IV в Ливонии. История споров о прибалтийских землях между Россией, Польшей, Швецией, в которые были включены и вопросы титула, государственной печати и герба, раскрывает смысл кажущегося курьезным факта. Иван IV боролся с польскими королями за то, чтобы в титуле он назывался ливонским владетелем. Польская сторона оказала противодействие сразу же, как только в 1559 г. русский царь назвал себя в грамоте «государем Ливонския земли града Юрьева». С этого времени на протяжении почти четверти века русская и польская дипломатия не выпускала из виду момент, связанный с присутствием или исключением из титула эпитета «Лифляндский». Польские послы получили инструкцию не называть Ивана IV «ливонским» даже в начале 1578 г. Иван IV с трудом согласился в 1580 г., чтобы «обоим государям писаться Лифляндскими»³⁵. При заключении перемирия в 1582 г. в Яме-Запольском, несмотря на большие старания русских послов, им не удалось добиться написания своего государя в перемирной грамоте ливонским владетелем³⁶. И тем не менее Иван IV, готовясь к возобновлению борьбы за Прибалтику, никак не хотел уступать Баторию титул «государя Вифлянского»³⁷. В последующие два года Иван IV в грамотах, посылаемых, например, в Англию, продолжал именовать себя «Лифляндским»³⁸.

В русско-шведских взаимоотношениях в период Ливонской войны вопрос об использовании эпитета «Лифляндский» и вопрос о гербе и печати занимали не последнее место. Для Швеции вопрос о гербе в первой половине XVI в. был больш-

ным. В 1570 г. он снова возник в связи со шведско-датскими отношениями³⁹. Иван IV подлил масла в огонь, требуя в 1572 г. не только именовать его в титуле «Свейским», но и «прислать образец герб свейской, чтоб тот герб в царьского величества печати был». В ответ он получил от Юхана III, по-видимому, какие-то замечания, что заставило Ивана IV возразить шведскому королю: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся»⁴⁰. Можно думать, что Юхан III ставил вопрос и о написании в своем титуле «Лифляндский», на что царь гневно отвечал: «...а что хочешь нашего царьствия величества титла и печати учинити, и ты, обезумев, хотя и вселенней назовешся государем, да хто тебя послушает?»⁴¹. Тем не менее уже на следующий год Юхан III именуется себя «государем в земле Вифлянской»⁴², называя так же, впрочем, и Ивана IV. Во все последующие годы шведский король сохранял подобное написание своего титула, но Иван IV упорно называет его только «королем Свейским, Готцким и Вендийским»⁴³. Используя печать, напоминающую о блестящих победах русских войск в Прибалтике, Иван IV решил подвести черту в многолетнем споре со Швецией о подлинном государе этой земли.

Примечания

Опубл.: Россия на путях централизации. Сборник статей. М., 1982. С. 179—186.

¹ Этот факт неоднократно отмечался в литературе (см., например: *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 218; *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 128—130; Государственный архив России XVI столетия / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина. М., 1978. С. 361—362, 452).

² См. рисунок печати.

³ *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972.

⁴ Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1882. Вып. 1. Табл. 18—19 (далее — Снимки).

⁵ *Stökl G.* Op. cit. S. 42.

⁶ *Koehne B.* Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. Berlin, 1861. P. 14; *Лухачев Н. П.* История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 1915. 15 мая;

Тройницкий С. Н. О гербе смоленском // Изв. Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921. Т. 1. С. 349.

⁷ *Щербачев Ю. Н.* Датский архив: Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326—1690. М., 1893. С. 110—112. № 409, 410.

⁸ Аналогичная прикладная печать скрепляла письма 1605—1606 гг. Лжедмитрия Ю. Мнишку (СГГД. М., 1819. Ч. II. С. 212, 220, 224, 227, 254). В настоящее время печать сохранилась лишь при одном документе (РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 18).

⁹ В том же году титул царя изменился, в нем появляется «полотцкий» (ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 363). Булла, привешенная к международному трактату 1562 г., несет иной титул (отсутствует слово «полотский») (Снимки. Табл. 12; *Щербачев Ю. Н.* Указ. соч. С. 47—48. № 150).

¹⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 331, 386, 398; Государственный архив России. С. 86, 452.

¹¹ Снимки. Табл. 12; *Щербачев Ю. Н.* Указ. соч. С. 47—49, 54—55, 66, 72, № 150, 151, 174, 219, 245 и след.

¹² *Сизов Е. С.* Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство: Искусство XVII в. М.; Л., 1964. С. 172; *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 140; *Она же.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 5 и след.

¹³ Об этом см.: *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 55, 67.

¹⁴ *Alef G.* The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View // *Speculum.* 1966. Vol. 41. № 1; *Спасский И. Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // ВИД. Л., 1976. Вып. VIII; *Соболева Н. А.* Символы русской государственности // Вопросы истории. 1979. № 6.

¹⁵ *Воронин Н. Н., Лазарев В. Н.* Искусство среднерусских княжеств XIII—XV вв. // История русского искусства. М., 1955. Т. III. С. 17.

¹⁶ *Порфиридов Н. Г.* Новгородская «вечевая» печать // ВИД. Л., 1969. Вып. II.

¹⁷ *Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 157—158; *Лихачев Н. П.* Печати Пскова // СА. 1960. № 3. С. 231; см. также: *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова // Там же. Рис. 1.

¹⁸ *Клейненберг И. Э.* «Лютый зверь» на печатях Великого Новгорода XV в. // ВИД. Вып. II. С. 176—190.

¹⁹ *Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 160; Снимки. Табл. 64; Сборник снимков с древнейших печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции / Сост. П. И. Ивановым. М., 1859. Табл. XIII, рис. 135; табл. XIX, рис. 301.

²⁰ Внутри круговой надписи изображены «колюмны», «Гедиминовы столбы». Известна полоцкая городская печать иного вида (*Хорошкевич А. Л.* Печати полоцких грамот XIV—XV вв. // ВИД. Л., 1972. Вып. IV). Однако «колюмны» встречаются на монетах Великого княжества Литовского уже в XIV в. (*Ильин А. А.* Классификация русских удельных монет. Л., 1940. Вып. 1. С. 14—19). Польские гербовники XVI в. относят «колюмны» к литовским гербам (*Ambrosius M.* Arma Regni Poloniae. Paris, 1573—1574; *Paprocki B.* Gniazdo snoty skąd herby rycerstwa slawnego Królestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego, Ruskiego... y inszych państw... początek swoy maia. Kraków, 1578. S. 1226). «Колюмны» в качестве своего герба, как якобы сообщают «русские хроники», взял Витень (*Paprocki B.* Herby rycerstwa Polskiego. Kraków, 1584. S. 590). В гербовниках последующих времен «колюмны» фигурируют в качестве знака литовских князей (*Spener Ph.* Historia insignium illustrium seu operis Heraldici. Frankfurt am M., 1680. Т. XXXI; *Niesiecki K.* Herbarz Polski. Leipzig, 1841. Т. VIII. S. 118—119). Полоцк воспринимался русскими как литовский город (ПСРЛ. Т. XIII. С. 302), поэтому использование в качестве его символа сугубо литовской эмблемы не должно удивлять.

²¹ *Stökl G.* Op. cit. S. 59—60.

²² Так, «обладателем Ливонские земли града Юрьева» царь называется уже летом 1558 г. (ПСРЛ. Т. XIII. С. 310); в 1559 г. это дополнение к титулу русского царя фигурирует в грамотах, посланных в Данию, Польшу, Швецию (*Бантыш-Каменский Н. Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г. Ч. 1. 1487—1584 // Чтения ОИДР. 1860. Кн. 4. С. 106; Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 60, 65). Немедленно изменился титул Ивана IV по взятии Полоцка (ПСРЛ. Т. XIII. С. 363). См. также сноску 9.

²³ *Stökl G.* Op. cit. S. 61.

²⁴ Вероятно, не случайно в архивном ящике 202, где находились материалы, связанные с Ливонской войной, вместе с печатью юрьевского наместника и печатью В. Фюрстенберга хранились и монеты — «ефимки и полуефимки, и пенези, каковыми торговали в Юрьеве немцы» (Государственный архив России. С. 86, 452—453).

²⁵ *Федоров Д. Я.* Монеты Прибалтики XIII—XVIII столетий. Таллин, 1966. С. 161, 165.

²⁶ См. чеканку ливонских магистров В. Фюрстенберга и Г. Кеттлера в Вендене (Там же. С. 215—216, 219—222).

²⁷ Изображение воина с мечом и щитом, стоящего на городской стене, помещено не только на городской печати, но и в гербе Вендена (РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Л. 252 и 252 об., 253-а и 253-а об., 253).

²⁸ *Щербачев Ю. Н.* Указ. соч. С. 110—112. № 409. Различие между печатями, привешенными к документам 1578 и 1583 гг., состоит не только в этом. В титуле печати 1578 г. имеется небольшое разночтение по сравнению с печатью 1583 г. В первом случае: после «Белозерский» — «... и господарь отчинный обладатель земли Лифлянская немецкого чину Удорский Обдорский Кондинский и вся Сибирская земли и Северная страны повелитель и иных многих земель гдрь и обладатель». Во втором: «... и господарь отчины Удорский Обдорский Кондинский и иных и вся Сибирская земли и Северная страны повелитель и гдрь земли Лифлянтские и иных». Абсолютно идентичен титулу печати 1578 г. титул в грамоте царя жителям Триката. Аналогичным образом (с упоминанием «земли Лифлянтские немецкого чину») строится титул царя в грамоте Полубенского в Трикат. Обе эти грамоты написаны в Вендене в 1577 г. (Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 гг. // Военный журнал. 1853. № 5. С. 91—92). См. также титул Ивана IV в грамотах, направленных в 1577—1579 гг. Стефану Баторию (Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. Кн. 2. С. 28, 29, 39—41, 87).

²⁹ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 264—265.

³⁰ Создается впечатление, что ее использование в сношениях с Данией имело эпизодический характер, ибо последующая дипломатическая корреспонденция Ивана Грозного в Данию скреплялась применяемой и до этого «средней» печатью (*Щербачев Ю. Н.* Указ. соч. С. 116. № 422 и след.).

³¹ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1893. Т. I. С. 642, 666.

³² *Лурье Я. С.* Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 501, 504.

³³ Донесение князя Александра Полубенского // Труды X Археологического съезда в Риге, 1896. М., 1900. Т. III. С. 133, 136.

³⁴ *Новодворский В. В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904. С. 67; *Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 509.

³⁵ Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. С. 106—107, 164; Новодворский В. В. Указ. соч. С. 67.

³⁶ Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. С. 176; Новодворский В. В. Указ. соч. С. 282—297.

³⁷ Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л. 1975. С. 60; Книга посольская... Кн. 2. С. 248, 253, 254, 274.

³⁸ Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553—1593. СПб., 1875. С. 192—193, 221.

³⁹ Форстен Г. В. Указ. соч. С. 13—14, 518.

⁴⁰ Сб. РИО. Т. 129. С. 213, 238.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 248.

⁴³ Там же. С. 251, 254, 255, 259, 278, 280—281, 298—300, 304, 348—349, 351, 353, 355—357.